

І. ТЕОРЕТИЧНІ АСПЕКТИ ФІЛОЛОГІЧНОГО СЛОВ'ЯНОЗНАВСТВА

МУСИЙ ВАЛЕНТИНА

ОБРАЗ СЛАВЯНСТВА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЭПОХИ РОМАНТИЗМА

В статье обозначены основные факторы активизации интереса к славянским народам в первой половине XIX века. Рецепция славянства изучена на нескольких уровнях: образы славян в художественной литературе, развитие контактов со славянами (путешествия, к примеру), зарождение славистики.

Ключевые слова: славянство, мифологизация, рецепция, инациональное.

У статті означені основні чинники активізації інтересу до слов'янських народів першої половини XIX століття. Рецепція слов'ян вивчена на декількох рівнях: образи слов'ян в художній літературі, розвиток контактів із слов'янами (у тому числі — подорожі), зародження науки славістики.

Ключові слова: слов'янство, мифологізація, рецепція, інаціональне.

The basic factors of activation of interest to Slavs in the first half of XIX century are outlined. The reception of Slavs is studied on few levels: images in fiction, development of contacts (trips, for example), forming of scientific Slavic studies.

Key words: Slavic, mythologization, reception, foreign.

Конец XVIII — начало XIX века — время, когда интерес к славянству приобретает в Европе практически повсеместный характер. Главным образом это было связано с зарождением народности с ее установкой на познание специфических для каждого этноса особенностей, а также факторами политического характера: активизацией национально-освободительных движений балканских

славян, политическими событиями декабря 1825 года в России, восстаниями в Польше, войнами Наполеона. Последние два из названных факторов обусловили особое место интереса к славянству в интеллектуальной жизни Франции. Безусловно, это не означает, что до этого времени во Франции ничего не знали о славянах. Начать следует с того, что дочь киевского князя Ярослава Мудрого Анна была одной из королев Франции (супругой короля Генриха I). Однако именно, начиная с XIX века, о славянах стали говорить как о народах, приобретающих все более важную роль в жизни Европы, активно заявляющих о своем праве на самостоятельность. Сошлемся на строки из обозрения, помещенного в одном из французских журналов начала XIX века: «Казалось, что говорят о народах неизвестных или не имеющих никакого значения, и, однако, речь шла о нациях, которые в наших войнах показали себя самыми грозными нашими противниками и самыми великодушными друзьями, о нациях, чье имя с тех пор не раз звучало в наших ушах угрозой или упреком, — о русских и поляках, а вместе с ними о многочисленных народах, прошлое которых было не лишено славы, а будущее представляет одну из серьезнейших проблем в нашей политической судьбе; в конечном счете — о целой половине Европы, даже еще сегодня не принимаемой в расчет, но о которой уже невозможно забывать» (цит. по: [3]).

Интерес французов к славянству проявился на различных уровнях: в создании художественных произведений, так или иначе связанных со славянской тематикой; в развитии личных связей с представителями славянских стран; в постепенном приобщении к славянским литературам благодаря развитию переводческой деятельности; путешествиям, зарождению славистики. Хотя большей части названных направлений поначалу и была свойственна значительная доля мифологизации.

Начнем с художественной литературы. Обращение к песням, сказаниям, историческим событиям в жизни балканских славян, переживавших в начале XIX века национальное возрождение, давало писателям-романтикам возможность выразить идею свободы как главного составляющего их идеала, усилить атмосферу таинственности происходящего (ведь речь шла о малознакомой или же вообще неизвестной читателю национальной среде). Объясняя в 1840 году историю создания своего цикла «Гузла, или Сборник иллирийских песен, записанных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине» (1827) и теперь уже с долей иронии оценивая

романтизм, Проспер Мериме признавался, что ведущими критериями отбора материала для него были его древность и экзотичность. Отсюда — интерес к народным верованиям: из 34 входящих в «Гузлу» «иллирийских песен» 20, так или иначе, отражают мифопоэтический склад мышления южных славян. Не случайно и А. Пушкин, и А. Мицкевич переводили баллады Мериме как славянские. Насколько Просперу Мериме удалось точно передать национальный колорит, можно судить и по оценке его книги Николаем Васильевичем Гоголем, который писал: «Мериме обладает... той способностью, которая не дается французам, именно способностью схватывать верно местные краски, чувствовать народность и передать ее. <...>. Почувствовать и угадать дух славянский — это уже слишком много и почти невозможно для французам. По природе своей эти две нации не сходятся между собою в характере. К тому же французам трудно позабыть на минуту, что он француз. С этой стороны Мериме является в своих созданиях далеко выше своих писателей-соотечественников» [1, т. VII, с. 393].

Однако заметим, что многие из приведенных Проспером Мериме верований свойственны не только славянам. Как, к примеру, представления о сглазе. Отсюда — сходство ситуаций гибели девушки из-за того, что ее возлюбленный наделен губительным взором в «славянской» песне Иакинфа Маглановича «Максим и Зоя» и повести французского Теофила Готье «Jettatura», действие которой происходит в Италии.

Известно, что французский писатель мистифицировал своего читателя, и включенные в сборник баллады — результат его собственного художественного творчества. Его предшественником в этом был Шарль Нодье, автор «Смарры» (1821). В 1813 году Нодье служил во французской администрации иллирийской провинции (территория нынешних Словении и Хорватии). В одном из предисловий повести он упоминает выдающихся славян — физика и математика Руджера Иосипа Бошковица (1711—1787), Ивана Гундулича (1589—1638), автора эпической поэмы «Осман». Итак, создавая «Смарру», Нодье опирался на сведения, которые почерпнул из своего пребывания в Иллирии. Мистификация же заключалась не только в том, что он приписал свое произведение «благородному рагузцу, обнаружившему под именем Максима Одена несколько поэм подобного рода» [6, с. 77], но, главным образом, в его собственном мифотворчестве. Повесть явилась своего рода пополнением славянской мифологии еще одним духом,

именем которого она и названа. «Смарра — пишет Нодье в предисловии к первому изданию повести, — первоначальное название злого духа, который, по мнению древних, служил причиной такого прискорбного состояния, как кошмар. До сих пор это слово обозначает ужасную болезнь в большинстве диалектов...» [6, с. 77]. Здесь Нодье проявляет знание того, что у славян были распространены верования в «мару»: призрак, привидение, мираж. Однако а) славяне представляли себе Мару в виде высокой белой женской фигуры. У Шарля Нодье это дух, который, скорее, сродни инкубам: он «быстрокрылый», с «длинным хоботком, закрученным, как пружина» и тянущимся к кровоточащему сердцу [6, с. 104]; б) сам по себе корень *-mar-* — не славянский и заимствован, скорее всего, из германских диалектов, а слово «кошмар» вошло в большинство европейских языков, по мнению современных ученых, как заимствование из французского. Думается, что самим Нодье придуманы и «гулы» — «бледные, нетерпеливые, изголодавшиеся» мертвецы, название которых он образовал, судя по примечанию, от «славянского “оголенный”» [6, с. 100]. Можно предположить, что сама по себе славянская мифология мало занимала Шарля Нодье. Суть его «Смарры, или ночных демонов» — в выражении писателем-романтиком понимания того, чем является сфера бессознательной жизни человека, его снов, состояния, когда «воображение человека... волею его души, независимой и одинокой, приобщается в каком-то смысле совершенству царства духов» [6, с. 84]. Отсюда и пастиш из разных мифологий и мистических учений, который представлен автором как народные песни того края, который «Апулей посетил, движимый любопытством, но описанием которого пренебрег» [6, с. 78].

Своего рода авторским мифом о культурном герое, который проходит перед началом своих подвигов ритуал инициации, является поэма Виктора Гюго «Мазепа» (1828). Как и Байрон, Гюго почерпнул легенду о любви и жестоком наказании Мазепы, скорее всего, из «Истории Карла XII» Вольтера. Но его еще в меньшей степени, чем Байрона, занимала историческая достоверность. Образ Мазепы в его поэме абсолютно абстрактен и условен. Подчеркивая исключительность своего героя, Гюго использует гиперболу (от копыт коня, к которому привязан Мазепа — распространяется «пламень»), антитезы (сейчас он «труп живой» — позже «князь племен»), эпитеты («величье дикое», муки «красавые»), включает образ гремящих и прославляющих героя «фанфар».

Понятие «мифологизация» распространяется на эти и другие художественные произведения, главным образом потому, что в них передано «...упрощенное, одностороннее и потому популярное истолкование некоего явления или проблемы», хотя и указывающее на «истинную их сущность» [8, с. 26], то есть своего рода стереотипы. Одна из этих составляющих стереотипного образа славянства — то, что они «более других» наделены воображением, «возбужденным сверх меры» [6, с. 77], а потому населяют окружающий мир духами и верят в них. Отсюда — такое широкое включение мифопоэтического в произведения о славянах.

Другая черта — музыкальность. Слушая игру Альберта на скрипке, героиня романа Жорж Санд Консуэлло открывает для себя мир сопротивляющихся неволе чехов. В этом романе совмещены временные пласты: герои, живущие в XVIII веке, становятся свидетелями событий трехсотлетней давности, когда смелому и великому народу правившие им иностранцы попытались насильно навязать непонятную ему религию, на что чехи ответили восстанием. И это, пожалуй, главная черта того образа славянина, которая воссоздается всеми авторами — его непреклонная жажда свободы. Эти три характеристики — опора на мифопоэтические представления, музыкальность и непреклонность в борьбе за свободу народа, не ограниченного условиями цивилизации — и составляют, как правило, основу образов славян в произведениях французских писателей.

Именно такими они предстают и в романе Шарля Нодье «Жан Сбогар», в основе которого — антинаполеоновское движение народов Иллирийской провинции. Славянская тема вводится в роман описанием старого певца, который, равномерно водя смычком по инструменту с одной струной из конского волоса, «пел о бедствиях несчастных далматов, изгнанных нуждой из родной земли» [5, с. 161]. Так задается один из ведущих мотивов романа: одухотворенность и поэтичность страдающего в неволе мужественного народа. Герой произведения — выходец из знатной и славной семьи сначала был на службе у турок, потом перешел на сторону восставших сербов, «где быстро приобрел громкую военную славу» [5, с. 212]. Но «обстоятельства обернулись неблагоприятно для тех, к кому он примкнул» [5, с. 212], и человек, которого все знают под именем Жана Сбогара, превратился в вечного мятежника.

Иным предстает образ славянства в тех произведениях, в которых идет речь о России, недавнем противнике Франции в войне,

и о Польше, борьба которой за независимость подавлялась русским правительством. Как правило, с образом России связываются мотивы угрозы и неволи, как, к примеру, в романах Эжена Сю «Агасфер» и Александра Дюма «Учитель фехтования». Одна из сюжетных линий романа Сю связана с судьбой дочерью генерала Симона и его жены Евы, Розы и Бланш. Они узнают о храбрости своего отца, раненого в сражении, попавшего в плен и оказавшегося в Варшаве, где он и познакомился с будущей женой. Его за то, что он укрывал своего друга, участника заговора, выдворили за пределы Польши, а его жену, француженку, бесстрашно сопротивлявшуюся превращению русскими поляков в рабов, сослали в Сибирь, где она через пятнадцать лет изгнания умерла. Так в романе выражено осмысление французским писателем раскола внутри славянства, вызванного политическими обстоятельствами. При этом Россия предстает только как страна неволи, а Польша — в образе жертвы российской деспотии.

Созданию более разностороннего образа славянства способствовало развитие личных связей с выходцами из славянских стран.

Особо следует остановиться на путешествиях, которые были предприняты французами в Россию. Хотя абсолютизировать объективность содержащейся в них информации не следует: они тоже не во всем свободны от односторонности, стереотипности. И здесь стоит помнить о том, что а) на характер оценки влияли симпатии или же антипатии путешественника; б) как правило, все путешествующие плохо или вообще не знали языка, на котором говорила большая часть общества (исключая аристократов, которые более свободно, чем родным, владели французским языком); в) путешественники были ограничены в свободе изучения новой для них страны. «Я не преувеличу, — писал маркиз де-Кюстин, — если скажу, что в Петербурге знакомишься с Россией не лучше, чем в Париже» [4, с. 97]. «Вас, — пишет он о привилегированных путешественниках, — торжественно принимают и любезно знакомят со всеми достопримечательностями, поэтому вам невозможно шагу ступить без проводника. Путешественник никогда не бывает наедине с собой, у него нет времени составить собственное мнение...» [4, с. 149]. Что же касается иностранцев, «не пользующихся покровительством», то они вообще не имели возможности что-либо увидеть.

Одними из самых ранних, если говорить о XIX веке, были приезды в Россию политических эмигрантов, покинувших Францию

в связи с революционными событиями в ней. Среди них — Жозеф де Местр. В своих «Санкт-Петербургских вечерах» (1809) он позже писал о России как о молодой стране, устремленной к новому. Правда, с его точки зрения это имело и свои недостатки: мешало более внимательно относиться к тому, чем она уже обладала. В целом для него Россия — страна, в которой странным образом уживаются крайности: дух свободы и покорность, роскошь и дикая суровость.

«Реальным прогрессом» (Ш. Корбе) в представлениях французов о России стали заметки о ней автора «Десяти лет изгнания» Жермены де Сталь. Она, как и Анри Мари Бейль (в будущем писатель Стендаль), оказалась в России во время военной кампании 1812 года. Правда, пребывание здесь Анри Мари Бейля, который служил интендантом во французской армии Наполеона, ни в коем случае не относится к разряду путешествий. Для него это — даже не «иное», а, скорее, «чужое» пространство.

Оценка России Жерменой де Сталь была более сочувственной. Хотя и она не игнорировала того, что могло ее смутить. Во всем, что она встречала на своем пути, она находила больше смелости, чем благоразумия, писала, что в России «цивилизация... еще недавнего происхождения <...>, и нет еще общественного мнения» [2, с. 266].

Судя по большинству описаний путешествий, в первые десятилетия XIX века русская литература не была еще известна во Франции. Русские, отмечает Жермена де Сталь, «делают опыты в литературе: приятность и звучность их языка бросаются в глаза даже тем, кто не понимает его; он, вероятно, очень пригоден для музыки и поэзии. Но русские впадают в ошибку многих народов материка: они подражают французской литературе» [2, с. 271]. Она лично была знакома с Н. М. Карамзиным и К. Н. Батюшковым, слышала о В. А. Жуковском. Но несколько человек, замечает она, еще не составляют литературы [2, с. 271].

Здесь снова следует вспомнить о языковом барьере: читатели-французы не владели славянскими языками, в том числе и русским. Сошлемся на один пример. В 1834 году в России оказывается Поль де Жюльвекур, который ищет защиты у русской монархии от последствий июльских событий 1830 года во Франции. Позже, вернувшись на родину, он становится популяризатором русской культуры. Но делает это весьма оригинально. Не зная русского языка, пользуясь помощью жены (она была из России), он

предпринимает вольное переложение на французский язык текстов Пушкина, Державина, Жуковского, Батюшкова, Вяземского, опубликовав их под названием: «Балалайка. Русские народные песни и другие поэтические фрагменты. Переведено в стихах и прозе Полем де Жюльвекуром» (1837). Позже, в 1843 году, в сборнике «Ятаган» он таким же образом представил «Пиковую даму» Пушкина. Итак, читатели знакомились с литературой не в оригинале, даже не по переводам, а по ее вольным переложениям. На второе обстоятельство указывает статья А. Пушкина «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1825). Заметив, что Крылов знал главные европейские языки, а в 50 лет еще и выучился древнегреческому, Пушкин пишет: «В других землях такая характеристическая черта известного человека была бы прославлена во всех журналах; но мы в биографии славных писателей наших довольствуемся означением года их рождения и подробностями послужного списка, да сами же потом и жалуемся на неведение иностранцев о всем, что до нас касается» [7, т. VI, с. 14]. Таким образом, и сама Россия мало пока заботилась о собственной популяризации в других странах. Активное знакомство французского читателя с русской литературой начинается со второй половины XIX века.

Путешествия Теофиля Готье и Александра Дюма были совершены уже во второй половине XIX века. Они разные по стилистике. Книга очерков Готье — скорее, живописный портрет страны. Александра Дюма — полный динамики и основанный на устных рассказах цикл очерков, представляющих исторических личностей в частных или авантюрных ситуациях. В чем-то его замечания поверхностны, но в значительной степени содержат и очень тонкие наблюдения, актуальные для нас и сегодня.

Самые же важные сдвиги в освобождении французов от стереотипов состоялись благодаря зарождению славяноведения как науки. У ее истоков — создание кафедры славянских языков и литературы в Коллеж де Франс, учрежденной 15 июля 1840 года. И хотя оно было вызвано преимущественно политическими задачами усиления революционного движения в Европе и ослабления самодержавной России, все же нельзя отрицать, что новые кафедры стало частью широкой программы по ознакомлению французской общественности с языками и национальной культурой славянских народов. Особое значение на этапе становления славяноведения во Франции имела деятельность не только поляка

Адама Мицкевича, но и французских ученых — Киприана Робера (1807—1860) и Луи Поля Мари Леже (1843—1923). В первой главе книги Л. Леже «Славянская мифология» перечисляются основные источники сведений о ней (главным образом — средневековые летописи), обращается внимание на их скудость, связанную с недопустимостью для христианского автора писать о древних божествах. Главная цель Л. Леже — обосновать важность лингвистических наблюдений при изучении этнологии, культурологии и мифологии славянских народов.

Важность работы Л. Леже заключалась не только в открытии славян для французов, но и в развитии представлений славян о самих себе. Показательно, что Стоян Новакович, министр народного просвещения в Белграде был инициатором его перевода на сербский язык. Известный славяновед Поливка перевел работу Леже на чешский язык и опубликовал в «Славянском сборнике». Кроме названной книги, следует упомянуть и то, что Л. Леже выпустил большую антологию русской литературы в своих и чужих переводах, написал очерк о Николае Гоголе.

Таким образом, даже поверхностный обзор позволяет судить о том, что происходил поворот к все более многогранному и углубленному осмыслению славянства.

Л и т е р а т у р а

1. Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 8 т. / Н. В. Гоголь. — М. : Правда, 1984. — Т. VII : Статьи 1831—1847. — 528 с.

2. Дурьлин С. Г-жа де Сталь и ее русские отношения / С. Дурьлин // Литературное наследство. — М. : Наука, 1939. — Т. 33—34. — С. 215—330.

3. Ларионова Е. О. Курс лекций Адама Мицкевича в Collège de France: «Русская идея» в зеркале польского мессианизма [Электронный ресурс] / Е. О. Ларионова. — Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru>

4. Маркиз де-Кюстин. Николаевская Россия / Маркиз де-Кюстин. — М. : Терра, 1990. — 288 с.

5. Нодье Ш. Избранные произведения / Шарль Нодье ; пер. с фр. под ред. А. Л. Андрос и А. В. Федорова. — М. ; Л. : ГИХЛ, 1960. — 568 с.

6. Нодье Ш. Смарра / Шарль Нодье // *Infernaliana*. Французская готическая проза XVIII—XIX веков. — М. : Ладомир, 1999. — С. 77—107.

7. Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. / А. С. Пушкин. — М. : Художественная литература, 1976. — Т. VI: Критика и публицистика. — 508 с.

8. Шуккин В. Г. В мире чудесных упрощений (к феноменологии мифа) / В. Г. Шуккин // Вопросы философии. — 1998. — № 11. — С. 20—29.